

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДИАЛЕКТНАЯ И ЗАИМСТВОВАННАЯ
ЛЕКСИКА В КУБАНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

М. Ю. Беляева

DIALECT AND BORROWED
VOCABULARY IN KUBAN
ANTHROPONOMY

Belyaeva M. J.

The problem of Kuban family names' relevance is considered in the article. Dialect words and Ukraine borrowings have been viewed as cultural codes. For the explanation of the differences in dialect word description in dictionaries the author uses the "nomeme" notion, which is a nomination unit presented by variants (allonomes).

Key Words: onomastics, anthroponymics, a family name, a nomeme, a hyper-nomeme, dialects, the Kuban.

В статье рассматривается проблема мотивированности кубанских фамилий. Рассмотрены как диалектные слова, так и заимствования из украинского языка в плане культурных кодов. Для объяснения различия в описаниях диалектных слов в словарях автор обращается к понятию номема – единица номинации, представленная вариантами (аллономами).

Ключевые слова: ономастика, антропонимика, фамилия, номема, гиперномема, диалекты, Кубань.

Проблема восстановления этнической памяти по следам языка всегда стояла в центре исследований русского языкового пространства. В последнее время этнокультурным проблемам ономастической лексики регионов посвящено большое количество работ (Ю. А. Авдеева, Е. В. Ворошилова, Е. В. Ерофеева, Е. И. Сьянова, А. В. Шевляков и др.) (1).

Центральным для трактовки регионального ономастикона – "во многом вторичной языковой системы" – становится опосредование собственно языковой картины мира в ее локальных проявлениях (18, с. 224). Коль скоро *система* рассматривается с позиций нескольких направлений, входящих в современную научную парадигму (когнитивной лингвистики, этнолингвистики), в число национально-специфических компонентов регионального ономастикона включают традиции, обряды и обычаи как средства приобщения к традиционнo-бытовой культуре (а), нормы поведения (общение, привычки) (б), региональную картину мира как отражение реального культурного пространства социума (в) (18, с. 224). Если перечисленные неязыковые знаковые системы и уникальны, их вряд ли можно приравнять к составляющим ономастикона – системы *единиц номинации* (лексических, фразеологических единиц, даже словосочетаний), отражающих "ментальную модель реальной культурной среды", связанных структурными отношениями

УДК 801. 313. 2 + 801. 54

ми: в этом случае понятие "ономастическая система" теряет всякую определенность.

Матрица, отражающая способ мышления... содержание и формы ментальных и языковых репрезентаций, восстанавливается на узкой или широкой совокупности языковых фактов региолектов, в т. ч. антропонимии, которая со временем становится невестственной памятью этноса.

Объектом анализа послужили диалектные слова – производящие для антропонимов на территории Кубани, рассмотренные с точки зрения их мотивированности. Источником фамилий явилась Книга памяти РФ, в которой собраны фамилии воинов, погибших в Великой Отечественной войне (9); примеры прозвищ почерпнуты из материалов автора статьи.

По мнению исследователей, в говорах позднейшего заселения, "специфика развития языка... проявляется нагляднее и отчетливее" (19, с. 12). В то же время ономасты убеждены в том, что вероятность обнаружения диалектных ономалексем в региональном ономастиконе невелика: "диалектный ономастикон формируется не исключительно за счет диалектной лексики, а складывается из других ресурсов", к которым, в числе прочих, относятся "иноязычные онимы, ... онимы, образованные на основе лексикона или ономастикона национального языка" (18, с. 224).

В связи с замечанием об участии общенационального языка в процессе создания ономастического фона примечателен факт повсеместной утраты мотивированных славянских имен, обнаруживаемых ныне в кубанских прозвищных фамилиях *Гудим* 'игрец', *Грabcкo* 'рукастый' (*гpaбa* 'пятерня'), *Зaбpoдa* 'шалун', *Зapубa* 'раненый воин', *Кoпыл* 'часть саней', *Кучмa* 'косматый', *Цыбa* 'неряха' или 'коза' и др. Раскопки в Новгороде и Твери восстановили множество дохристианских имен, зафиксированных в берестяных грамотах, в т. ч.: *Влоткo* 'сын волота – великана', *Воицa* 'воинственный', *Волчoк* 'маленький волк', *Домoслaв* 'славящий дом', *Жарoх* 'огонь, разжигаемый в поле', *Жур* 'размазня, овсяной кисель' и др. (7).

Этимологию языческих антропонимов выводят из лексических значений заимствований, частично совпавших с первыми по звуковой оболочке, например, *Кoснятин* 'косноязычный, нерешительный' (*Константин*), *Микулa* (*Микoлa, Никoлa*), *Улитa* 'медлительная' (*Иулитта, Юлия*) и др., *Юpac* 'беспокойный человек, удачливый охотник' (*Юрий*), *Юрeня, Юрчак* 'высокий' (*Юрий*), против чего протестуют В. К. Чичагов, В. Н. Казаков и др.

Примеры утраты семантики диалектных слов в говорах вторичного образования, к которым относятся кубанские, приводит П. Ткаченко во вступительной статье ко 2-ому изданию своего словаря кубанского говора. Анализируя книгу О. Г. Борисовой "Кубанские говоры: материалы к словарю" (5), он отмечает случаи неточного или неполного толкования значений лексем. "*Захарчëванный* человек понят как полный, толстый, в то время как этим словом называют изможденного от голода. *Бурка* – всего лишь бурая лошадь, а не характерная часть казачьей одежды. *Вовна*, по мнению составителя, – это волна, а не овечья шерсть. *Чистилка* – лавочка, скамья возле дома, а не металлическое приспособление для очистки обуви от грязи, для Кубани характерной" (15, с. 61–62). Как видим, из понимания потомков уходят вторичные, иногда коннотативные значения лексем.

Ономастика способна восстановить утраченные в языке единицы, если реконструируемое имеет наблюдаемые эффекты. Утрата отдельных лексических единиц не нарушает принципа "флуктуации слов около логических атомов" (В. В. Налимов), согласно которому новые названия группируются вокруг устойчивых семантических центров. На этом основана модная ныне "прогностика исчезающего (внутренняя реконструкция)", противопоставленная "прогностике существующего (онтогностике)" и "прогностике возникающего (футурогностике)" (10, с. 200). Понятие корня является лишь способом представления в абстрактном плане родства семьи языков: корни суть абстрактные классификации, которые служат для классификации слов.

Немотивированные в синхронии фамилии жителей Темрюкского р-на и прозвища, известные старшему поколению жителей, группируются вокруг ряда следующих семантических центров:

а) предметы быта:

Байдик, Байдиков – 'посох, палка старика // пастуха' (4, с.31);

Барыло – 'большой бочонок, обычно для вина' (14, с. 58);

Бида – 'широкая телега с высокими бортами для перевозки сена, соломы' (4, с.56);

Бэда – передок хода телеги в виде бедарки (15, с. 73);

Бодня – 'ящик или кадушка с крышкой для хранения сала' (13, с. 119);

Бута – 'большой чан пудов на 100' (4, с.63);

Глэчик – 'глиняный сосуд' (15, с. 99);

Гогуля – 'шишка на голове от удара или нарост' (15, с. 99);

Дзюба – 'пика у запорожцев' (15, с. 107);

Драга – 1. Раколовка типа волокуши, 2. Деревянная лодка с двумя веслами (4, с.140);

Здор – 'некачественная жировая ткань у свиньи' (15, с. 132);

Калич – 'сломанная, негодная вещь' (15, с. 113);

б) животные:

Бабак – 'степной сурок' (13, с. 47);

Балабан – 'коршун' (13, с. 60);

Глодун – 'запасной конь' (15, с. 98);

Дидык – 'большая летающая стрекоза' // *Дидэк* (15, с. 107);

Дыркач – 'коростель' (14, с. 90); 'вол с тонкой шеей' (21);

Клиндух – дикий голубь (15, с. 143);

Норец – 'хомяк' (15, с. 183);

Прозвище: *Сула* от *сула* 'рыба судак на Кубани'; *Лэлэга* от *лелега* 'самка аиста' – 'лентяйка': *Эт-та на-крышах у-колёсе гнизда делает. Вин бильше индюка, аист, а-самка лэлэга, самка линива. Повырастала малышы, обычна двойе, она сыдит, а-вин па-болотах жсап шукайе и-кормэ йих* (из речи);

в) растения:

Дереза – 'колючий кустарник' (4, с. 130);

Дубок – 'поздний цветок семейства хризантем' (15, с.113);

Дурак – 'сорт крупной тыквы' (4, с.143);

Лыпка – 'комнатный цветок, герань' (15, с. 161);

Жерделя. Шутл. прозвище от фамилии *Жежеря*; *жерделя* 'мелкая, дикая абрикоса' (14, с. 95);

г) внешность:

Альшаный – 'человек, у которого кожа облупилась от загара' (4, с.25);

Бибик – смол. 'невзрачный, некрасивый паренек' (6, с. 65);

Бреус – 'человек небольшого роста, неуклюжий, неповоротливый' (13, с. 275);

Глэк – 'товарищ, подруга по работе' (15, с. 99);

Забара – от 'задержка' (15, с. 120); 'медлительный человек';

Карло – 'кривой'; ср.: закарлюка 'что-либо искривленное' (15);

Рябая – 'витая булка' (4, с.466);

Прозвище: *Лыга*. Пренебр. 'высокий, нескладный человек' (ср.: *налыгач* 'веревка, что связывает рога скотине в стойле' (14, с. 145);

д) поведение:

Базик от *базикать* – 'пустословить',

Балан от *баландить* – 'пустословить', *баландать* 'бездельничать' (13, с. 63);

Барыло от *барыть* 'медлить', *бариться* 'мешкать, запаздывать' (13, с. 74);

Бурло от *бурлить* 'буйнить, вздорить, браниться, ссориться, скандалить' (6, с.84);

Варивода – 'мучитель, истязатель' (14, с. 66);

Гекало от *гекнуть* 'ударить' (14, с. 83);

Драт от *дратовать* – 'дразнить, обижать' (14, с. 89);

Сапсай от *сапсовать* 'повредить что-либо' (4, с.471);

Прозвища: *Навстреловатый*. Ирон. 'бестолковый, не понимает с первого раза';

Нудыга. Пренебр. 'нудный, -ая';

Хмындра. Ирон. 'неприятная женщина'.

Многие слова закрепляют за собой по несколько значений:

Баран – 1. Колодезный ворот, 2. Чугунная задвижка в печи, 3. Свадебный каравай (*Баран, Баранов*);

Бат – от *батовать* 'резать большими кусками' (13, с. 266); *батоваться* 'драться' (4)(*Бат, Батицкий*);

Бегун – 1. Ветки лозы, из которых плетут корзины, короба; 2. Мельничный жернов (13) (*Бегун*).

Аналогично: *Барыло* – от *бочонок*; *Барыло* – от глагола *барыть* 'медлить', *Гноевой* – от *гной* в общерусском значении 'выделения из раны' и в частном – 'навоз'.

Дижечка – 'вид покрывала' от *дижнык* 'толстое домотканое полотно' (14, с.85); *дижечка* – 'скатерть на деревянное корытце' (4, с.133).

Выбор одного из мотивировочных признаков для толкования собственных имен затруднителен, хотя *основание* сравнения не вызывает сомнений: крупный предмет с загнутой формы деталями (*баран*), нечто подвижное (*бегун*), резкие движения (*батовать*).

Синтез структуралистских принципов и достижений когнитологии (когнитивной лингвистики) позволяет говорить о *культурных кодах*, под которыми понимают систему означивания, т. е. сформированную стереотипами этнокультурного сознания конфигуративную совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: образования, структурирования довербальных сигналов и их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определенной коммуникативно-прагматической парадигмы. Виды культурных кодов разнообразны: религиозный, биоморфный, антропоморфный, анимический, акциональный и др.

Биоморфный культурный код, продуцирующий образы животных, насекомых, растений, традиционен для всех народных культур. Одной из его особенностей в говорах можно считать перенос наименований деревьев на цветочные растения: *дубкы, лыпка, вишня*.

Прозвища часто создаются на этой базе, напр.: *Цвиркун* (*цвиркун* 'сверчок').

Акциональный код связан с обозначениями по действию *Бегун* (мельничный жер-

нов), *Базик, Балан, Бат, Драт* (названия лиц) и др.

Прозвище *Вася-Поня* от *поняй* 'погоняй, трогай' (15, с.207).

Религиозный код представлен в местных названиях нечистой силы и колдунов: *Бабай* – 'старый колдун; некто неопределенный, кем пугают' (15, с. 68); *Колдовка* – 'колдунья'; *Крыштопа* – 'некое магическое существо, которым пугают детей'; *чирть* – 'черт' (х. Ханьков Славянского р-на). Первая основа встречается в гендерно ориентированных фамилиях, прозвищах: *Бабайка* (Темрюкский р-н), вторая – в прозвищах (Темрюкский р-н), третья (*Крыштопа*) широко распространена в фамилиях региона.

Помимо внутренних заимствований в кубанскую антропонимию, широко практикуются внешние, в т. ч. из украинского языка. Это хорошо просматривается на материале производных от *кулинаронимов* – названий кушаний, изделий из теста:

Балабуха – діал., невелика булочка, спечена або зварена;

Білаш – білаш білий хліб;

Буць – невдалих хліб; *Буценко, Буцький, Буцинський, Буцик, Буцень*;

Бурсак – сладкая булочка, калач;

Кныш – лепешка, пирог;

Малай – діал., вид хліба з кукурудзи, гороху або проса;

Ситник – розм., хліб із борошна, просіяного на ситі (20).

Слова литературного украинского языка развивают вторичные значения, которые могут реализоваться в антропонимии: *верещака* – *страва із свинячої грудинки*; *гулак/кулак* – *Іжа, приготовлена у вигляді довгуватих пампушок з гречаного або пшеничного борошка на олії*; *шуликі* – *коржі, політі медом з розтертим маком*; ср.: *шулика* – коршун.

По мнению Г. Передерий, "до цієї підгрупи слід зарахувати й антропоніми, генетично пов'язані з апелятивами, які сьогодні належать до розмовної або діалектичної лексики: *Малайчук, Ситник, Ситниченко, Ситничук, Ситницький*" (20).

В лексикографических источниках обнаруживаются различные толкования значе-

ний немотивированных ныне лексических единиц, служащих производящими для кубанской антропонимии.

В поисках объяснения значения производящего для фамилии *Дяк* находим в "Большом толковом словаре донского казачества" *дякать* – 'нуждаться в чем-либо, зависеть от кого-либо' (4, с.146). В словаре П. Ткаченко заметнее ориентация на украинский язык: *дяка* – благодарность, *дякую* – благодарю, *дякувать* – благодарить (14, с. 91). В славянский именовослов в свое время входило личное имя *Дяка* 'угощающий, угождающий' (7, с. 45). Фамилии *Гаркуша* // *Гарькуша*, *Гарькавий* толкуются в словаре П. Ткаченко через указание на дефект речи, заикание (14, с. 77), тогда как в украинском языке нарицательные имена указывают на человека с громким голосом, крикуна; см. славянское личное имя *Гаркун* 'крикун' (7, с. 34). Аналогично: *Барыло* – 'бочонок' и *Барыло* – существительное от глагола *барыть* 'медлить'. Поскольку словарь П. Ткаченко составлен кубанцем, с детства освоившим местные культурные коды, его объяснения значений слов представляются нам адекватными номинативной ситуации в регионе.

Необходимо также учитывать различия уровней погружения в диахронию семантики слов – глубинного или поверхностного (2, 3). Так, фамилия *Зюзин* может быть выведена из древнерусского личного имени *Зюзя* 'родившийся в мороз', из мифонима *Зюзя* или "из отчества от прозвища *Зюзя*, восходящего к нарицательному *зюзя*", имеющему в говорах "множество значений: "пьяница", "дрянной человек", "грязнуля, неряха", "вялый разиня", "простофиля", "плакса, рева" (6, с. 222). Казанским ономастом А. Х. Халиковым предлагаются тюркские этимологии фамилий, в т. ч. *Зюзиных* – от тюркского *сюдзи*, *сюзле* 'имеющий голос' (16, с. 90).

Интегративным моментом в ономастике оказывается обозначение *уникальных* (с точки зрения имядателя) объектов, и это единственное, что распространяется на все виды собственных имен. Вовлечение в антропонимическое подполе можно объяснить

социальной сущностью человека и интересом к себе подобным (характерным и для биологических особей). Привлекая понятие *номемы* – «непосредственно следующей за морфемой ступеньки содержательного членения, означающим для которой обычно становится фонослово» (11), можно сказать, что номера собственного имени – это номера уникального, с точки зрения имядателя, лица или лица, с которым осуществляется непосредственное или мысленное общение. «Самость» собственных имен несет на себе отпечаток личности. Уникальность здесь – наличие признаков, вызывающих номинацию в тот или иной момент. Данный момент не похож на другой: даже одни и те же слова, принадлежащие к основному словарному фонду, дают в разные периоды развития языка начало разным словообразовательным цепям и сериям.

В трудах немецких ономастов *номема* понимается как абстрактная единица, дающая возможность опознавать различные формы имени собственного как функционально идентичные. Номера представлена как объединение *аллономов* – функционально сходных форм, вариантов именования денотата в речи. Аллономы, в свою очередь, реализуются в фоноаллономах и графоаллономах (17, с. 27 – 28).

Понятие *номемы* плодотворно в исследованиях внутренних и внешних заимствований лексических единиц на определенной территории: номера является ядром или центром, вокруг которого группируются или группировались аллономы (17, с. 28). Региональные аллономы онимов – те реликты прошлого, чья звуковая оболочка отлична от формы номем общего языка к настоящему времени. Так, на Кубани редки онимы с чертами северного наречия; прозвище *качапье* (х. Верхний Славянского р-на) – аллоном диалектной *номемы* *качапье*.

Если, по К. Хенгсту, образ номем в разных языках не совпадает, то аллономы соответствуют основному признаку *фонетизма* – быть извлеченными из естественного текстового окружения и перемещенными в новое. В условиях полиэтничности региона, обусловленной историей его заселения и

освоения, некоторые фамилии-аллономы отражают особенности звуковых оболочек номем украинского и одновременно русского языков:

- *Гетьман* (*Гетман*), *Гаркуша* (*Гарькуша*), *Дюхарев* (*Духарев*);
- *Вовк* (*Волк*);
- *Бигун* (*Бегун*), *Билан* (*Белалн*);
- *Быдак* (*Бедак*).

Процесс девиаций от исконных моделей переживают не только украинские фамилии (*Бурнас – Бурнос*, *Дрига – Дриго*), но и другие заимствованные (нем. *Гербель – Гербиль – Гербыль – Гебель*). На наш взгляд, на определенных отрезках времени модель-номема в заимствованиях и диалектных единицах может вообще не прослежи-

ваться, превращаясь в "гиперному" теории именования (по аналогии с "гиперфонемой" в фонологии).

В условиях утраты связи колонии с метрополией аллономы удаляются от первичных украиноязычных образцов: *Гондарев* (ср. *Гонтарь* 'кровельщик'), *Блезнюк* – из *Близнюк* 'близнец', *Боитовой* – из *Баитовой*, от укр. *башта* 'башня' и др. Наличие нескольких аллономов фамилии свидетельствует обычно о полной утрате мотивации.

Обращение к лексике говоров, а также украинского языка при восстановлении значений немотивированных в синхронии кубанских фамилий и прозвищ продиктовано задачами сохранения информации, постепенно утрачиваемой в языковой памяти региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева Ю. А. Фрагменты картины мира сквозь призму антропонимов // *Культурная жизнь Юга России*. – Краснодар, 2007. – № 1. – С. 69–70; Ворошилова Е. В. Ономастикон г. Канска как отражение истории и культуры народа: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Тюмень, 2007; Ерофеева Е. В. Региолект как промежуточный идиом // ...Слово отзовется: Памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. – Пермь, 2006. – С. 222–226; Региональная лексика в историко-культурном аспекте: Материалы межвуз. диалектологических чтений, 23–25 ноября 2006. – Арзамас, 2006; Сьянова Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителя (на материале говоров Воронежского Прихоперья): Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2007; Шевляков А. В. Семантические характеристики антропонимов в идиолекте сибирского старожила // *Вопросы лингвоперсоналогии*. Ч.1. – Барнаул, 2007. – С. 194 – 198 и др.
2. Беляева М. Ю. Дальние, ближние и нулевые мотивации онимов // *Филология. Журналистика, культурология в парадигме современного научного знания: Материалы 49-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону»*. – Ч. 2. *Лингвистика*. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 2004. – С. 127–130.
3. Беляева М. Ю. Глубинные и поверхностные мотивации в ономастике *Язык. Дискурс. Текст: Международная научная конференция, посвященная юбилею В. П. Малащенко: Труды и материалы. Часть 1*. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 28–33.
4. Большой толковый словарь донского казачества. – М.: ООО "Русские словари", "Астрель", "АСТ", 2003.
5. Борисова О. Г. Кубанские говоры: Материалы к словарю. – Краснодар, 2005.
6. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. – М., 2001.
7. Казаков В. С. Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ. – 4-е изд. – М.; Калуга: Русская правда, 2003.
8. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2002.
9. Книга памяти РФ / Краснодарский край. – Краснодар, 1994. – Т. 3.
10. Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики. – Воронеж, 2006.
11. Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985.
12. Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989.
13. Словарь воронежских говоров. Вып. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.
14. Ткаченко П. Кубанский говор: Опыт авторского словаря. – М., 1998.

15. Ткаченко П. Кубанский говор: Опыт авторского словаря. – 2-е изд. – Краснодар, 2008.
16. Халиков А. Х. Булгар, Казань, предки татар Поволжья и Приуралья в истории России. 500 русских фамилий болгаро-тюркского происхождения. Россия тарихында Болгар, Казан, Идел пет Урал бус татарлары. – Казань: Изд-во «Казань», 1992.
17. Хенгст К. Номема и ее значение в ономастической теории // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы Международной научной конференции (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005). – Екатеринбург, 2005. – С. 27–30.
18. Щербак А. С. Принципы отражения языковой картины мира в региональном ономастиконе // Мова і культура. – К., 2007. – Вип. 9. – Т. VI (94). – С. 222–226.
19. Яковлева Г. А. Русские терские говоры Северного Кавказа. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000.
20. Передерий Ганна. Українські прізвища, національна кухня // Лінгвалізація світу: Теоретичний та методичний аспекти: Зб. матеріалів Міжнар. наук. конф. – Черкаси, 25–26 трав. 2006 / МОН України. – Черкаси: Брама-Україна, 2007. – С. 92–103.
21. Словарь української мови / Упор. с дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. – Київ, 1907–1909. – Т. 1–4.

Об авторе

Беляева Марина Юрьевна, ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», кандидат филологических наук, доцент, окончила докторантуру СГУ. Сфера научных интересов – общее языкознание и русистика: теория номинации, региональная ономастика, дериватология (словообразовательные способы, гнезда).
fliny@ mail.ru